

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.С. Серебrenиков

Возражения Лейбница против философии Декарта

Опубликовано:

Христианское чтение. 1906. № 10. С. 487-516.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Редакторъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи

Петръ Смирновъ.

Возраженія Лейбница противъ философіи Декарта.

«Кто не умѣетъ цѣнить выдающихся заслугъ Декарта, тотъ не достаточно проинпателенъ; а кто не признаетъ и не цѣнитъ никого, кромѣ Декарта и его послѣдователей, тотъ никогда не дастъ чего-либо великаго».

Лейбницъ.

ВОЗРАЖЕНІЯ Лейбница противъ философіи Декарта до сихъ поръ не обращали на себя должнаго вниманія изслѣдователей ¹⁾). Между тѣмъ для пониманія философіи Лейбница они имѣютъ важное значеніе. Они не только показываютъ, въ какихъ пунктахъ Лейбницъ расходился съ Декартомъ, но и проливаютъ свѣтъ на происхожденіе его собственной философской системы ²⁾).

¹⁾ Специальныхъ монографій по данному вопросу, насколько извѣстно, еще не появлялось. Мы имѣемъ лишь монографію *Bertereau, Leibnitz considéré comme historien de la philosophie*, Paris, 1843, въ которой, между прочимъ, дается краткая, но въ общемъ точная Лейбницева характеристика философіи Декарта и его послѣдователей.

²⁾ Вопросы о происхожденіи философской системы Лейбница посвящены монографіи: *Auerbach, Zur Entwicklungsgeschichte der Leibnizschen Monadentheorie*, Dessau, 1884; *Hahn, Die Entwicklung der Leibnizschen Metaphysik bis zum Jahre 1686*, Halle, 1899; *Hannequin, Quae fuerit prior Leibnitii philosophia seu de motu, de mente, de Deo doctrina ante annum 1672*, Parisii, 1895; *Selver, Die Entwicklungsgang der Leibnizschen Monadentheorie bis 1695*, Leipzig, 1885; *Wendtt, Die Entwicklung der Leibnizschen Monadentheorie bis zum Jahre 1695*, Berlin, 1885; и *Wernick, Der Begriff der Materie bei Leibniz*, Jena, 1893. Сюда же должно быть отнесено сочиненіе *Couturat, La logique de Leibniz d'après des documents inédits*, Paris, 1901, заключающее въ себѣ не мало цѣнныхъ замѣчаній и документальныхъ разъясненій относительно происхожденія логики Лейбница.

Что Лейбницъ основательно изучилъ философію Декарта, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. У него мы находимъ указанія или ссылки ¹⁾ на всѣ главнѣйшія произведенія Декарта—*De methodo* ²⁾, *Meditationes* ³⁾, *Principia* ⁴⁾, *De passionibus* ⁵⁾, *De homine* ⁶⁾, *Responsiones ad objectiones* ⁷⁾, *Epistolae* ⁸⁾. Ему были извѣстны нѣкоторыя изъ неизданныхъ сочиненій Декарта. «Я видѣлъ, говорить онъ, въ Парижѣ небольшую книжку Декарта, содержащую въ себѣ анатомическія замѣтки, и объ изслѣдованіи истины» ⁹⁾. Онъ имѣлъ у себя даже списки ихъ. «У меня есть, сообщать онъ, нѣсколько небольшихъ, неизданныхъ, философскихъ, современныхъ, по рѣдкихъ сочиненій Декарта» ¹⁰⁾ и нѣкоторыхъ другихъ. Одна изъ такихъ рукописей, озаглавленная *Renati Cartesii De inquirenda veritate* ¹¹⁾ и представляющая собою копию сочиненія Декарта *Règles pour la direction de l'esprit*, была найдена въ Ганноверской Королевской библиотекѣ среди бумагъ, оставшихся послѣ Лейбница, Фуше де-Карейлемъ ¹²⁾.

Изъ всѣхъ произведеній Декарта Лейбницъ обратилъ особенное вниманіе на его *Principia*, посвятивъ детальному разбору первыхъ двухъ частей этого сочиненія свои *Animadversiones in partem generalem Principiorum Cartesianorum* ¹³⁾. Подобное же сочиненіе онъ предполагалъ написать по поводу Декартовыхъ *Responsiones ad objectiones*. «Чтобы показать, нишеть онъ, различіе между моими и Декартовскими принципами, будетъ полезно предпослать извлеченія изъ возраженій

¹⁾ Сочиненія Лейбница цитуются по изданіямъ: *Gerhardt'a*, Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz, Berlin, 1875—1890 I—VII; *Dutens'a*, Leibnitii opera omnia, Genevae, 1768, I—VI; и *Couturat*, Opuscules et fragments inédits de Leibniz, Paris, 1903. Такъ какъ большинство цитатъ заимствуется изъ изданія Gerhardt'a, то для краткости это изданіе цитруется безъ обозначенія имени издателя: указываются просто томы—римскими цифрами и страницы—арабскими.

²⁾ II, 535.   ³⁾ I, 16; VII, 324; *Dutens*, VI, 319.   ⁴⁾ VI, 88.

⁵⁾ I, 182; *Dutens*, V, 305.   ⁶⁾ I, 182; VI, 544.

⁷⁾ III, 259; *Dutens*, I, 505.   ⁸⁾ VI, 206; *Dutens*, VI, 316.

⁹⁾ IV, 276.   ¹⁰⁾ *Dutens*, V, 470.

¹¹⁾ О существованіи этой рукописи говорится уже у Dutens'a, V, 421, примѣч. К. Н.

¹²⁾ *Foucher de Careil*, Oeuvres inédits de Descartes, Paris, 1859, préface, p. IV—V. Другая рукопись, содержащая въ себѣ извлеченія изъ анатомическихъ замѣтокъ Декарта, находится, по свидѣтельству Gerhardt'a (IV, 276, примѣч.), въ Ганноверской библиотекѣ.

¹³⁾ IV, 350—392. Ср. II, 535 и *Dutens*, V, 462.

ученыхъ мужей на *Meditationes* Декарта и изъ его *Responsiones*; къ нимъ я присоединю свои собственные отвѣты, изъ которыхъ будетъ видно, какимъ образомъ я разрѣшаю недоумѣнія этихъ славныхъ мужей, оставленные Декартомъ безъ надлежащаго разбора» ¹⁾. Но это намѣреніе Лейбница осталось, повидимому, безъ осуществленія. О непосредственномъ знакомствѣ Лейбница съ произведеніями Декарта говоритъ также его сочиненіе *De vita beata*, которое, какъ доказалъ Тренделенбургъ ²⁾, представляетъ собою соединеніе искусно подобранныхъ буквальныхъ выдержекъ изъ писемъ Декарта къ королевѣ Христинѣ и принцессѣ Елизаветѣ и сочиненій *De passionibus*, *De methodo*, *Meditationes* и *Principia*.

Къ какому времени относится ознакомленіе Лейбница съ сочиненіями Декарта, объ этомъ онъ даетъ двоякаго рода показанія. Съ одной стороны, онъ заявляетъ: «Когда я былъ еще юношею, попали мнѣ въ руки *образчики* лучшей *философіи* Кеплера, Галилея и *Декарта*» ³⁾. Съ другой, у него читаемъ: «Не знаю, не было ли счастьемъ для меня, что я обратился къ чтенію Декарта сравнительно поздно; я не читалъ его со вниманіемъ до тѣхъ поръ, пока мой духъ не былъ уже занятъ тысячею моихъ собственныхъ мыслей» ⁴⁾. «Признаюсь, пишетъ онъ окло 1676-го года, я не имѣлъ еще возможности прочесть сочиненія Декарта съ такимъ вниманіемъ, какое хотѣлось бы мнѣ удѣлить имъ, и друзья мои знаютъ, что я прочелъ почти всѣхъ новыхъ философовъ раньше его..; это вѣрно. что я часто обращалъ свой взоръ на Галилея и Декарта, но такъ какъ до послѣдняго времени я не былъ геометромъ, то ихъ способъ писанія, требующій большого напряженія мысли, скоро отпугивалъ меня.. Я ознакомился съ метафизическими и физическими размышленіями Декарта главнымъ образомъ чрезъ чтеніе нѣкоторыхъ популярныхъ книгъ, излагающихъ его мнѣнія» ⁵⁾. Но никакого противорѣчія между этими свидѣтельствами нѣтъ, потому что въ одномъ случаѣ Лейбницъ говоритъ о своемъ предварительномъ знакомствѣ съ сочиненіями Декарта, а во второмъ—о внимательномъ изученіи ихъ.

¹⁾ VII, 64.

²⁾ *Trendelenburg*, *Historische Beiträge zur Philosophie*, Berlin, 1855, II, 192—232.

³⁾ VII, 53.

⁴⁾ *Dutens*, VI, 304.

⁵⁾ I, 371. Изъ сочиненій, посвященныхъ изложенію философіи Декарта, Лейбницъ отзывается съ особенною похвалою о сочиненіи *Claubergius'a*. Ср. I, 16 и *Dutens*, VI, 311.

Первыя свѣдѣнія о новой механической философіи Гассенди, Гоббеса, Декарта и др. Лейбницъ получилъ на студенческой скамьѣ (1661—1666). «Помнится мнѣ, пишетъ онъ, когда мнѣ было 15 лѣтъ, я ходилъ гулять въ уединеніи въ небольшой лѣсокъ возлѣ Лейпцига, носящій названіе Розенталя, чтобы рѣшить вопросъ: оставаться ли мнѣ на сторонѣ субстанціальныхъ формъ? Въ концѣ концовъ механическая теорія одержала верхъ и побудила меня къ изученію математическихъ наукъ» ¹⁾. Но въ студенческихъ сочиненіяхъ Лейбница встрѣчается очень мало ссылокъ на Декарта, такъ что опредѣлить, съ какими образчиками Декартовой философіи онъ былъ знакомъ въ это время, очень трудно. Возможно, что онъ прочелъ сочиненіе Декарта *De methodo*, такъ какъ въ это время занимался, между прочимъ, разработкою аналитическаго метода, изобрѣтателемъ котораго, по его словамъ, былъ Декартъ ²⁾.

Въ Майнцскій періодъ (1667—1672) Лейбницъ былъ уже знакомъ съ *Meditationes* Декарта и находился подъ вліяніемъ изложенныхъ въ нихъ мыслей. Въ своихъ произведеніяхъ этого періода онъ признаетъ вслѣдъ за Декартомъ, что бытіе бываетъ мыслящимъ или протяженнымъ ³⁾, что мыслящее бытіе, какъ непротяженное и потому недѣлимое, бессмертно ⁴⁾, что протяженное бытіе есть бытіе количественное, способное совершать различныя движенія и принимать различныя формы и величины ⁵⁾, что движеніе есть перемѣна мѣста ⁶⁾, что послѣдній источникъ движеній, совершающихся въ мірѣ по механическимъ законамъ, находится въ Богѣ ⁷⁾, что чувственныя качества тѣль субъективны ⁸⁾, что въ животныхъ и растеніяхъ нѣтъ никакихъ душъ или субстанціальныхъ формъ ⁹⁾. Даже

¹⁾ III, 606.   ²⁾ IV^a, 35; ср. I, 57—58.   ³⁾ I, 25.

⁴⁾ IV^a, 109—110.   ⁵⁾ I, 17—18.   ⁶⁾ I, 24; IV^a, 107.

⁷⁾ I, 22.

⁸⁾ I, 19, 25—26. При этомъ нельзя не отмѣтить, что Лейбницево объясненіе субъективности вторичныхъ качествъ въ I, 25 даже по формѣ изложенія напоминаетъ собою такое же объясненіе Декарта, данное имъ въ *Meditationes*.

⁹⁾ Въ I, 24—25 читаемъ: „Человѣчскій умъ не можетъ представить себѣ ничего, кромѣ разума (именно когда мыслить о самомъ себѣ), пространства, матеріи, движенія и того, что является результатомъ сравненія ихъ между собою, а все, что сверхъ этого—одни слова..., объяснить и понять которыхъ нельзя... Такъ зачѣмъ же предполагать души животныхъ и растеній, невещественныя субстанціальныя формы элемен-

въ сочиненіи *Hypothesis physica nova* ¹⁾, которому Лейбницъ придавалъ большое значеніе ²⁾ и въ которомъ можно усматривать зачатки его новой философіи, онъ стоялъ, по собственному признанію, на точкѣ зрѣнія Декарта. «Это сочиненіе, поясняетъ онъ, было опытомъ молодого человѣка, который еще не углубился въ математику. Законы абстрактнаго движенія, которые я тогда устанавливалъ, должны были бы дѣйствительно имѣть мѣсто, если бы въ тѣлахъ не было никакихъ другихъ свойствъ, кромѣ тѣхъ, которыя признавались согласно ученію Декарта и даже Гассенди» ³⁾. Но эта зависимость не помѣшала Лейбницу отнестись къ *Meditationes* Декарта критически и усмотрѣть въ нихъ существенные недостатки, въ силу которыхъ болѣе сродною его настроенію представлялась философія Аристотеля, чѣмъ Декарта. «Что касается до меня, заявляетъ онъ въ 1668-мъ году, то я менѣе всего признаю себя картезианцемъ... Я не побоюсь сказать, что нахожу гораздо больше достоинствъ въ книгахъ Аристотеля *Περὶ φυσικῆς ἀκρόασιως*, чѣмъ въ *Meditationes* Декарта: на столько я далекъ отъ картезианства» ⁴⁾. Какія мысли Декарта находились въ противорѣчій съ воззрѣніями Лейбница, у него въ разсматриваемый періодъ не разъясняется. Онъ ограничивается лишь тѣмъ, что въ 1668-мъ году пишетъ на тему Декартовскихъ *Meditationes* особое сочиненіе *Confessio naturae contra atheistas* ⁵⁾, въ ко-

товъ и металловъ?.. Иначе у насъ будетъ столько же божжовъ, сколько субстанціальныхъ формъ, а въ концѣ концовъ мы дойдемъ и до языческаго многобожія“.

¹⁾ Это сочиненіе было издано въ 1670-мъ году.

²⁾ Нужно думать, что этимъ объясняется, почему Лейбницъ посвятилъ первую часть сочиненія Лондонскому Королевскому Обществу, а вторую—Парижской Академіи Наукъ и старался распространить сочиненіе среди извѣстныхъ ему ученыхъ.

³⁾ I, 415. Но въ то же время Лейбницъ замѣчаетъ, что его гипотеза мірового эира, движеніями котораго онъ объясняетъ явленія тяжести, эластичности, свѣта и пр., не заимствована у Декарта, такъ какъ гипотезу Декарта тогда онъ еще не понималъ надлежащимъ образомъ: IV, 247.

⁴⁾ I, 16.

⁵⁾ Сочиненіе Декарта имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Meditationes de prima philosophia, ubi de Dei existentia et animae immortalitate* (1-е изд.), или *in quibus Dei existentia et animae humanae a corpore distinctio demonstratur* (2-е изд.). Въ соотвѣтствіе съ этимъ сочиненіе Лейбница распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая носитъ заглавіе: *Quod ratio phaenomenorum corporalium reddi non possit, sine incorporeo principio, id est Deo*, а вторая—*Mentis humanae immortalitas continuo sorite demonstrata*. Что же

торомъ, въ противоположность механическому міровоззрѣнію Декарта, намѣчаетъ телеологическій взглядъ на міръ и его происхождение. «Мы доказали, нишетъ онъ въ этомъ сочиненіи, что тѣла могутъ имѣть опредѣленную фигуру и величину, а также и движеніе, только при предположеніи невещественнаго Существа. Легко видѣть, что это невещественное Существо едино для всѣхъ,—въ виду *всеобщей взаимной гармоніи*... Но *почему* это невещественное Существо *избрало именно такую*, а не иную, величину, фигуру и движеніе—это можно объяснить лишь въ томъ случаѣ, если Оно *разумно*, мудро—въ виду красоты вещей, и всемогуще—въ виду повиновенія ихъ Его мановенію. Такое невещественное Существо и будетъ Разумомъ, *управляющимъ вселенною*, т. е. Богомъ» ¹⁾. Въ Парижѣ (1672—1676) Лейбницъ едва ли имѣлъ возможность много углубляться въ сочиненія Декарта, такъ какъ онъ самъ говорить, что въ теченіе 4-хъ лѣтняго пребыванія здѣсь со страстью изучалъ математику ²⁾. Но вращаясь въ кругу лицъ, глубоко заинтересованныхъ картезіанскою философіею и горячо обсуждавшихъ ее ³⁾, онъ не могъ не чувствовать настоящей нужды въ основательномъ знакомствѣ съ ея первоисточниками. Время пребыванія въ Парижѣ, вѣроятно, и имѣетъ онъ въ виду, когда въ приведенномъ выше отрывкѣ замѣчаетъ: «я часто обращалъ свой взоръ на Декарта»... Съ переходомъ на службу въ Ганноверъ въ 1676-мъ году, Лейбницу открылась возможность восполнить недостающее, такъ какъ онъ явился сюда, вооруженный математическими знаніями; и на

касается заглавія: *Confessio naturae contra atheistas*, то оно, какъ разъясняетъ Лейбницъ (I, 27), было придумано Спиццеліемъ, который, не зная имени автора рукописи, издалъ ее подъ означеннымъ заглавіемъ вмѣстѣ съ своимъ письмомъ къ Рейзеру объ искорененіи атеизма.

¹⁾ IV, 109.   ²⁾ IV, 291.

³⁾ Подробное разъясненіе этого см. въ сочиненіи *Герье*, Лейбницъ и его вѣкъ, Сиб., 1868, стр. 145 и слѣд. Существенные недостатки философіи Декарта указываются въ письмѣ Лейбница къ Фабри (I, 244—261). Такъ какъ это письмо начинается словами: „Nunc ex Gallia reversus“, то можно подумать, что сочиненія Декарта были изучены Лейбницемъ уже въ Парижѣ. Но такой выводъ противорѣчилъ бы заявленію Лейбница, сдѣланному около 1676-го года, что онъ еще не читалъ сочиненій Декарта съ такимъ вниманіемъ, какое хотѣлось бы ему удѣлить имъ. Въ виду этого будетъ правильнѣе понимать „nunc“ въ смыслѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и относить самое письмо къ первому или даже второму году пребыванію Лейбница въ Ганноверѣ.

первыхъ порахъ въ его распоряженіи было достаточно свободнаго времени. Что здѣсь онъ, дѣйствительно, сряду же занялся изученіемъ сочиненій Декарта, доказательствомъ этого могутъ служить слѣдующія данныя: а) почти во всѣхъ своихъ письмахъ, относящихся къ первымъ четыремъ годамъ пребыванія въ Ганноверѣ, онъ касается различныхъ положеній Декартовой философіи и подвергаетъ ихъ критическому разбору ¹⁾); б) въ 1677-мъ году онъ говорилъ о сочиненіяхъ Декарта *De meteoris*, *De passionibus* и *De homine* какъ такихъ, содержаніе которыхъ ему хорошо извѣстно ²⁾); в) въ 1679-мъ году онъ замѣчаетъ: «для меня, который *разсмотрѣлъ* философію Декарта *внимательно*, существуютъ въ ней нѣкоторыя вещи весьма подозрительныя» ³⁾); и г) въ 1680-мъ году, указывая на недостатки Декартовой геометріи, онъ добавляетъ: «найдется не много людей, которые *изучили* ее съ такою *заботливостію*, какъ я» ⁴⁾). Но первые годы жизни въ Ганноверѣ были временемъ, когда Лейбницъ создавалъ свою философскую систему. Въ 1680-мъ году онъ составилъ новое понятіе субстанціи ⁵⁾, а чрезъ пять лѣтъ послѣ этого былъ уже обладателемъ новой системы, которую и изложилъ въ 1685-мъ году въ своемъ сочиненіи *Разсужденіе о метафизикѣ* ⁶⁾). Такимъ образомъ критическое изученіе Декарта и выработка собственной философской системы шли у Лейбница рука объ руку, изъ чего естественно заключить, что эти работы его находились между собою въ органической связи и что, слѣдовательно, философія Лейбница возникла на почвѣ критическаго разбора Декартовой философіи. На эту связь указываетъ самъ Лейбницъ. Замѣтивъ въ приведенномъ выше отрывкѣ, что къ внимательному чтенію Декарта онъ обратился, имѣя тысячу собственныхъ мыслей, онъ продолжаетъ: «такимъ образомъ я *воспользовался*, думается мнѣ, мыслями Декарта, не подчинившись имъ, какъ это случилось съ другими» ⁷⁾). Подобное же признаніе дѣлаетъ онъ въ письмѣ къ Мальбраншю отъ 1679-го года: «такъ какъ я на-

¹⁾ См. помѣщенные въ I-мъ томѣ изданія Gerhardt'a письма Лейбница отъ 1676-го по 1680-й годъ къ Конрингу, Экгардту, Моляну, Мальбраншю и въ IV-мъ томѣ—къ Филиппу.

²⁾ I, 182.   ³⁾ IV, 281.   ⁴⁾ IV, 286.

⁵⁾ *Wernick*, p. 20. Документальное подтвержденіе находится въ отрывкѣ, который былъ найденъ Gerhardt'омъ и опубликованъ въ *Berliner Monatsberichte*, 1880, p. 830. Ср. VII, 326.

⁶⁾ IV, 427—464.   ⁷⁾ *Dutens*, VI, 304.

часть размышлять, когда еще не былъ пропитанъ картезианскими мнѣніями, то это дало мнѣ возможность войти другою дверью во внутреннюю природу вещей и открыть новыя страны» ¹⁾).

Лейбницъ относился къ Декарту съ большимъ уваженіемъ. Изъ многочисленныхъ восторженныхъ отзывовъ его о Декартѣ наиболѣе характерными являются слѣдующіе: «Я безконечно цѣню Декарта ²⁾)... Не много, можетъ быть, найдется людей, которые столь хорошо понимаютъ величіе его ума, какъ я ³⁾)... По силѣ сужденія и умѣнью строить гипотезы, прямо удивительныя, онъ можетъ быть приравненъ къ величайшимъ мужамъ древности ⁴⁾)... Даже тамъ, гдѣ Декартъ ошибается, онъ послѣдуетъ все съ такою проникательностью и глубиною, что фантастическая философія его можетъ послужить примѣромъ для того, кто имѣетъ намѣреніе создать истинную философію» ⁵⁾). Въ виду этихъ достоинствъ Декартовой философіи изученіе ея Лейбницъ считалъ полезнымъ

¹⁾ I, 332. Ср. V, 63.

²⁾ IV, 337, 304, 283; II, 535; *Dutens*, I, 731.

³⁾ I, 335.

⁴⁾ I, 182.

⁵⁾ I, 186. Встрѣчаются въ сочиненіяхъ Лейбница также противоположные отзывы о Декартѣ. Высказывается, напр., предположеніе, что Декартъ былъ охваченъ честолюбивымъ стремленіемъ къ образованію школы (IV, 346, 337, 320), былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о своей философіи (IV, 322), относился пренебрежительно къ своимъ предшественникамъ и дѣлалъ видъ, будто онъ ничего не читалъ и ничего отъ другихъ не заимствовалъ (III, 7, 567; IV, 337; *Dutens*, VI, 334) и т. п. Но эти недостатки нисколько не умаляютъ заслугъ Декарта и, кромѣ того, Лейбницъ отмѣчалъ ихъ, имѣя въ виду картезианцевъ, которые, за немногими исключеніями, отличались духомъ нетерпимости и ничего, кромѣ философіи Декарта, не хотѣли знать, съ чѣмъ не могъ примириться Лейбницъ. „Когда мнѣ, пишетъ онъ, приходится говорить съ упрямыми приверженцами школы, которые пренебрежительно относятся къ Декарту, я выставляю на видъ его блестящія качества, а когда приходится имѣть дѣло съ слишкомъ ревностнымъ картезианцемъ, я считаю своею обязанностью нѣсколько понизить чрезмѣрно высокое мнѣніе, какое они имѣютъ о своемъ учителѣ“: IV, 286—287. Нѣкоторые современники Лейбница возводили на него обвиненіе, будто онъ желалъ унижить Декарта для возвышенія собственнаго авторитета. На эти обвиненія Лейбницъ отвѣчалъ весьма опредѣленно и рѣшительно: „Чтобы выразить въ немногихъ словахъ свое мнѣніе объ авторѣ, авторитетъ котораго будто бы я желаю разрушить (что было бы и несправедливо, и невозможно), я скажу слѣдующее: кто не умѣетъ цѣнить выдающихся заслугъ Декарта, тотъ не достаточно проникателенъ; а кто не признаетъ и не цѣнитъ никого, кромѣ него и его послѣдователей, тотъ никогда не дастъ чего-либо великаго“: IV, 342.

для всякаго философа. «Любителю истины, пишетъ онъ, я всегда совѣтовалъ бы углубляться въ систему Декарта, потому что въ ней проявляется сила ума удивительнаго»¹⁾.

Но при всемъ уваженіи къ Декарту, Лейбницъ не могъ стать на сторону его философіи. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, онъ сознавалъ, что *телеологія* Декарта обосновываетъ достовѣрность человѣческаго знанія не на согласіи разума съ самимъ собою, а на виѣшнемъ авторитетѣ, что Декартова *физика* находится въ противорѣчій съ фактами, что предлагаемая этою физикою *механическая* теорія происхожденія міра приводитъ къ спинозизму, по которому не существуетъ ни личнаго Бога, ни цѣлесообразности міра, а Декартовскій *дуализмъ*, противопоставляющій духъ матеріи, разрѣшается въ ненаучный окказіонализмъ и что какъ въ спинозизмѣ, такъ и окказіонализмѣ активная роль человѣческой личности сводится къ нулю. Все это не мирилось со взглядами Лейбница, въ душѣ котораго неустойчивое стремленіе къ научному, всеобъемлющему знанію, подкрѣпляемое внутреннимъ чувствомъ самоцѣннаго достоинства человѣческой личности, соединялось съ глубокою вѣрою въ Бога и Его благое провидѣніе. Отсюда естественно было ему сдѣлать выводъ, что философія Декарта по своему общему направленію ошибочна и что нужна новая философская система, которая, оправдывая довѣріе разума къ самому себѣ и находясь въ согласіи съ фактами, примиряла бы *вѣру съ знаніемъ*, *механизмъ съ телеологіею* и *духъ съ матеріею*.

Такимъ образомъ, философія Декарта, по сознанію Лейбница, не только говорила о необходимости новой, истинной философіи, но и опредѣляла собою до извѣстной степени общій характеръ и содержаніе послѣдней. Въ этомъ смыслѣ Лейбницъ утверждаетъ, что Декартова философія не есть истинная философія, а составляетъ лишь преддверіе къ ней. «Я обыкновенно говорю, пишетъ онъ, что картезіанская философія есть какъ бы преддверіе истины и что трудно сдѣлать значительное движеніе впередъ, не пройдя чрезъ нее; но кто останавливается на ней, тотъ лишаетъ себя истиннаго познанія вещей»²⁾. Какія поправки нужно сдѣлать въ философіи

¹⁾ I, 336.

²⁾ IV, 337. Та же мысль высказывается въ IV, 283; III, 607, 611; *Dutens*, II, 263.

Декарта, чтобы придти къ истинной философіи, указаніе на это находится въ самыхъ возраженіяхъ Лейбница противъ философіи Декарта.

Какъ извѣстно, Декартъ началъ свою философію съ сомнѣнія и, сомнѣваясь, пришелъ къ признанію первой несомнѣнной истины: *cogito ergo sum*. По взгляду Лейбница, сомнѣніе законно, когда оно ограничено извѣстными предѣлами ¹⁾. Но Декартъ заходитъ слишкомъ далеко, когда подвергаетъ сомнѣнію даже *раціональныя* истины математики и логики, такъ какъ подобное сомнѣніе можетъ внушать ложную мысль, будто нашъ разумъ не способенъ къ познанію истины ²⁾. Что касается *cogito ergo sum*, то эта *фактическая* истина безспорна, но не представляетъ собою ничего новаго, потому что достовѣрность внутренняго чувства, на которомъ она непосредственно основывается, была указана еще скептиками ³⁾.

Найдя первую достовѣрную истину, Декартъ устанавливаетъ въ качествѣ критерія истины ясность и отчетливость созерцанія. Лейбницъ принимаетъ Декартовскіе термины ⁴⁾ и соглашается, что истинное знаніе должно отличаться ясностью и отчетливостью; но упрекаетъ Декарта, что онъ не указалъ критерія самой ясности и отчетливости. Безъ этого критерія, поясняетъ онъ, мы легко можемъ принять свои заблужденія за безспорную истину, потому что люди, какъ показываетъ примѣръ Декарта, основываясь на своемъ внутреннемъ чувствѣ, не рѣдко считаютъ ясными и отчетливыми и такія свои убѣжденія, которыя на повѣрку оказываются темными и спутанными ⁵⁾.

Ясное и отчетливое усмотрѣніе разумомъ истины, или достовѣрное умозрительное знаніе, по ученію Декарта, бываетъ двухъ родовъ: интуитивное и дедуктивное; изъ нихъ первое, какъ знаніе непосредственно очевидное, считается нами безспорнымъ, а второе нѣкоторымъ образомъ зависитъ отъ памяти и потому является менѣе надежнымъ. Лейбницъ принимаетъ это общее ученіе о достовѣрномъ знаніи ⁶⁾; но разбирая его въ деталяхъ, находитъ въ немъ разные недочеты.

¹⁾ Ср. IV, 354; *Dutens*, VI, 316.   ²⁾ IV, 314 и 358.

³⁾ IV, 327, 313.   ⁴⁾ V, 237; III, 224, 247 (ср. 256—257).

⁵⁾ IV, 328, 329, 331, 424; I, 384; ср. I, 352; *Couturat*, 189, 516.

⁶⁾ См. „Лейбницъ и Локкъ по вопросу о прирожденныхъ идеяхъ“, Христ. Чтеніе, 1901, стр. 661—690.

Прежде всего, онъ не удовлетворяется ученіемъ Декарта о непосредственно очевидныхъ истинахъ, или аксіомахъ. Если бы Декартъ, думаетъ онъ, былъ вѣренъ своему правилу—не принимать ничего за истину безъ доказательства, то онъ долженъ былъ бы задаться вопросомъ: всѣ ли аксіомы дѣйствительно суть самоочевидныя истины ¹⁾? Но тогда онъ увидѣлъ бы, что самоочевиднымъ для изслѣдующей мысли характеромъ отличаются лишь положенія тождества, такъ какъ въ нихъ говорится о предметѣ только то, что уже заключается въ его понятіи; всѣ же другія аксіомы требуютъ доказательства, которое должно состоять въ сведеніи доказываемаго положенія къ аксіомѣ тождества ²⁾. А это показываетъ, что истиннымъ можетъ быть лишь то, что согласно съ самимъ собою, т. е. что не заключаетъ въ себѣ внутренняго противорѣчія, или является для разума возможнымъ ³⁾. Признавъ же мыслимую возможность за критерій истины, Декартъ не утверждать бы, съ одной стороны, что всѣ понятія сами по себѣ истинны, потому что сложныя понятія могутъ заключать въ себѣ внутреннее противорѣчіе ⁴⁾, съ другой, не относился бы съ пренебреженіемъ къ опредѣленіямъ, такъ какъ въ реальныхъ опредѣленіяхъ заключается доказательство возможности понятій ⁵⁾. Но онъ не дошелъ до этого, почему его обѣщаніе перечислить всѣ простыя понятія осталось не исполненнымъ, а нѣкоторыя изъ приводимыхъ имъ въ качествѣ простыхъ понятій на самомъ дѣлѣ сложны ⁶⁾.

Такимъ же недостаткомъ анализа, по мнѣнію Лейбница, отличается ученіе Декарта о дедукціи. За образецъ выводовъ Декартъ взялъ математическую дедукцію, что послужило для нѣкоторыхъ картезианцевъ поводомъ хвалиться, будто они одни пользуются математическимъ методомъ въ философіи ⁷⁾. Но, по мнѣнію Лейбница, картезианцы преувеличиваютъ значеніе своего учителя, потому что въ математикѣ Декартъ не такъ великъ, какъ о немъ думаютъ. Его заслуга заключалась въ томъ, что онъ примѣнилъ алгебру къ геометріи и положилъ начало аналитическому методу ⁸⁾;

¹⁾ I, 402; IV, 355.   ²⁾ III, 258—259; V, 92; VI, 612.

³⁾ IV, 404; I, 384; ср. *Couturat*, La logique de Leibniz, p. 196.

⁴⁾ I, 384.   ⁵⁾ Ср. III, 569 и I, 384.   ⁶⁾ IV, 364.

⁷⁾ На это послѣднее указываетъ Лейбницъ въ I, 34.

⁸⁾ I, 57—58; IV, 35.

но его геометрія пригодна лишь для рѣшенія болѣе легкихъ задачъ ¹⁾, а его анализъ имѣеть своимъ предметомъ одни конечныя количества ²⁾. Декартъ не постигъ метода безконечныхъ рядовъ, при помощи котораго можно измѣрять какія угодно кривыя и опредѣлять конечныя количества чрезъ разсмотрѣніе безконечнаго ³⁾, почему онъ не могъ, какъ предполагалъ, дать всеобщей математики, въ чемъ, впрочемъ, онъ самъ сознается ⁴⁾. Не понявъ природы математическаго анализа, онъ не могъ разъяснить природы логической дедукціи и дать цѣнныхъ указаній относительно ея практическаго примѣненія. Его прославленный методъ, содержащій въ себѣ четыре правила, представляетъ собою вещь самую заурядную и ничего не разъясняющую ⁵⁾. «Изобрѣтатели методовъ, пишетъ Лейбницъ, разумѣя Декарта, дали, безъ сомнѣнія, прекрасныя правила, но не указали, какъ ихъ исполнять. Нужно, говорятъ они, понимать всякую вещь ясно и отчетливо, пужно переходить отъ простыхъ вещей къ сложнымъ, нужно дѣлать наши мысли и пр... ⁶⁾. Но эти правила, замѣчаетъ Лейбницъ, когда не дается къ нимъ никакихъ разъясненій, напоминаютъ мнѣ правило одного химика, который говорилъ: бери, что слѣдуетъ, дѣлай, какъ подобаетъ, и получишь, что желаешь» ⁷⁾. «Такой методъ даетъ не сокровище драгоцѣнное, а угли» ⁸⁾. Подверженіе этого Лейбницъ видитъ на примѣрѣ самого Декарта, который хотѣлъ примѣнить свой геометрическій методъ къ метафизикѣ, но дальнейшей неудачной попытки изложить въ геометрической формѣ доказательства бытія Божія не пошелъ ⁹⁾. Быть можетъ, въ сознаніи неудовлетворительности означенныхъ правилъ, добавляетъ Лейбницъ, и заключалась причина, почему Декартъ не хотѣлъ публиковать своего сочиненія *De methodo* ¹⁰⁾. Истинный методъ, по мнѣнію Лейбница, составляетъ всеобщая характеристика, которая должна, съ одной стороны, разложить понятія на простые элементы и обозначить ихъ опредѣленными знаками, съ другой, указать

¹⁾ III, 20; ср. II, 535.

²⁾ Ср. III, 49; *Dutens*, V, 119.   ³⁾ IV, 278, 286, 291—292, 317.

⁴⁾ IV, 305.   ⁵⁾ I, 264, прим. 101; IV, 331.

⁶⁾ VII, 21; *Couturat*, *La logique de Leibniz*, p. 94—95.

⁷⁾ IV, 329 (ср. VII, 21).   ⁸⁾ IV, 330.

⁹⁾ III, 259; VII, 324; IV, 320, 326; I, 337; *Dutens*, I, 505. *Couturat*, 178, 192.

¹⁰⁾ II, 535.

самыя простыя правила, какимъ образомъ нужно комбинировать, или подсчитывать, эти знаки, чтобы имѣть доказательства всякихъ истинъ. На характеристику Лейбницъ возлагалъ очень большія надежды и мысль о ея разработкѣ не покидалъ до конца своей жизни. Но придти къ какимъ-либо определеннымъ результатамъ ему не удалось ¹⁾.

По учению Декарта, идеи, лежація въ основѣ достовѣрнаго знанія, прирождены. Лейбницъ оставляетъ это учение безъ всякихъ возраженій, потому что самъ раздѣлялъ его ²⁾. Онъ замѣчаетъ только, что картезианцы злоупотребляютъ прирожденными идеями, когда говорятъ, что ихъ учение о протяженіи, матеріи и душѣ, какъ основывающееся на прирожденныхъ идеяхъ, не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ ³⁾.

Чтобы обосновать достовѣрность умозрительнаго знанія, заложеннаго въ прирожденныхъ идеяхъ, Декартъ доказываетъ существованіе Бога, творца нашей природы. Лейбницъ заявляетъ, что онъ тщательно изслѣдовалъ Декартовы доказательства бытія Божія ⁴⁾, и находитъ ихъ на столько слабыми, что они, по его мнѣнію, могутъ подорвать довѣріе людей къ доказательствамъ этого рода истинъ вообще ⁵⁾. Въ своемъ первомъ доказательствѣ Декартъ воспроизводитъ, замѣчаетъ Лейбницъ, мысль Ансельма, что изъ идеи, какую мы имѣемъ о Богѣ, какъ Существѣ всесовершенномъ, необходимо слѣдуетъ, что Богъ существуетъ, ибо всесовершенное не можетъ не существовать ⁶⁾. Но онъ упускаетъ изъ виду, что въ нашей головѣ возникаютъ иногда идеи и такихъ вещей, которыя для изслѣдующаго разума являются невозможными, напр., идея безконечнаго движенія. Поэтому прежде чѣмъ дѣлать выводъ изъ идеи Бога о существованіи Самого Бога, Декартъ долженъ былъ доказать, что идея Существа всесовершеннаго не заключаетъ въ себѣ никакого внутренняго противорѣчія, или что Богъ возможенъ. Но онъ этого не доказалъ и тѣмъ лишилъ вѣрное по своей основной мысли доказательство его значенія ⁷⁾. Второе доказательство — отъ существованія идеи

¹⁾ О всеобщей характеристикѣ Лейбница см. Couturat, *La logique de Leibniz*, ch. IV, особенно p. 100—101.

²⁾ III, 368, 473—474. Подробнѣе см. „Лейбницъ и Локкъ по вопросу о прирожденныхъ идеяхъ“.

³⁾ V, 14.   ⁴⁾ I, 188.   ⁵⁾ IV, 295; ср. 275, 358—359, 292.

⁶⁾ III, 226, 248; IV, 358.

⁷⁾ I, 212—224, 338, 188; IV, 293—294, 275, 423, 358—359; VII, 310; Dutens, VI, 44; ср. Couturat, *La logique de Leibniz*, p. 195—196.

Бога къ существованію ея первообраза Лейбницъ не считаетъ почти нужнымъ разбирать, такъ какъ это доказательство, по его мнѣнію, имѣетъ общій съ первымъ недостатокъ и само по себѣ является очень слабымъ ¹⁾. Наконецъ, въ третьемъ доказательствѣ, по которому бытіе Божіе выводится изъ продолжающагося существованія насъ, Лейбницъ усматриваетъ ложную мысль, будто Богъ въ каждый моментъ творитъ насъ вновь. Признавая вмѣстѣ съ Декартомъ, что между отдѣльными моментами нашего существованія нѣтъ необходимой связи, онъ, въ отличие отъ Декарта, утверждаетъ, что въ насъ, какъ и во всякой другой вещи, послѣдующее состояніе есть естественное слѣдствіе предшествующаго, почему продолженіе нашего существованія, само по себѣ, ни мало не говоритъ о бытіи Божіемъ ²⁾. Лейбницъ ставитъ Декарту, кромѣ того, въ упрекъ, что увлеченный механическою теоріею, онъ не обратилъ вниманія на самое важное доказательство бытія Божія, каковымъ, по мнѣнію Лейбница, служитъ телеологическое доказательство, основанное на разсмотрѣніи порядка и гармоніи міра ³⁾.

На истинѣ бытія Божія Декартъ обосновываетъ достовѣрность, съ одной стороны, умозрительнаго знанія, съ другой, соединеннаго съ чувственными воспріятіями нашего убѣжденія въ бытіи матеріальнаго міра.

Основываясь на внутреннемъ чувствѣ, Декартъ призналъ въ качествѣ критерія истины ясность и отчетливость. Но такъ какъ между ясностью и отчетливостью, съ одной стороны, и достовѣрностью умозрительнаго знанія, съ другой, для нашего разума нѣтъ никакой необходимой связи, то у Декарта, естественно, возникло недоумѣніе: можно ли полагаться на критерій истины? Ничто не мѣшаетъ предположить, думалъ онъ, что мы созданы какимъ-либо злымъ геніемъ для заблужденія и что въ такомъ случаѣ все, познаваемое ясно и отчетливо, должно быть ложнымъ. Съ этой точки зрѣнія для Декарта являлось ненадежнымъ даже интуитивное знаніе, основывающееся на непосредственной очевидности; дедуктивное же знаніе представлялось ему еще болѣе сомнительнымъ, потому что оно заимствуетъ нѣкоторымъ образомъ свою очевидность отъ памяти, а память человѣка ограничена, почему полагаться на нее нельзя. Чтобы устранить свои недоумѣнія, Декартъ и

¹⁾ IV, 359—360.

²⁾ IV, 360; ср. III, 558.

³⁾ IV, 314; ср. 109.

доказываетъ существованіе истиннаго Бога, создавшаго нашу природу. Лейбницъ находитъ эту аргументацію Декарта явно искусственною и ничего не доказывающею. Относительно интуитивнаго знанія онъ пишетъ: «Не понимаю, для чего было сомнѣваться Декарту въ самыхъ первыхъ и очевидныхъ истинахъ, какъ будто ничего нельзя познать достовѣрно безъ предположенія бытія Божія: никто не повѣритъ, чтобы онъ самъ этому вѣрилъ» ¹⁾. «Какъ отрицаніе Бога не оправдываетъ этого сомнѣнія, такъ и признаніе Бога не устраняетъ его. Если бы не было Бога, но могли существовать мы, то мы не менѣе были бы способны къ познанію истины. Съ другой стороны, признаніе Бога не даетъ права отрицать существованія твари, подверженной заблужденію и являющейся несовершенною» ²⁾. Относительно же участія памяти въ дедуктивномъ знаніи онъ замѣчаетъ, что память предполагается каждымъ актомъ нашего сознанія, такъ что сомнѣваться въ памяти значитъ сомнѣваться въ самомъ сознаніи; кромѣ того, память можетъ быть облегчена и даже замѣнена письмомъ и знаками ³⁾.

Ошибка Декарта, приведшая его къ ложному ученію объ основахъ нашего знанія, по мнѣнію Лейбница, заключалась въ неправильной постановкѣ вопроса о критеріи истины. Въмѣсто того, чтобы уяснить себѣ, какимъ самоочевиднымъ требованіямъ разума должно отвѣчать достовѣрное знаніе, онъ ограничился показаніями непосредственнаго чувства; но онъ не принялъ во вниманіе, что эти показанія, сами по себѣ, не отличаются прозрачною для разума очевидностью и потому никакого обязательнаго для него значенія не имѣютъ. «Устанавливая, читаемъ у Лейбница, въ качествѣ критерія истины ясное и отчетливое воспріятіе, Декартъ ссылается на непосредственный опытъ. Но непосредственными опытами я называю тѣ положенія, въ которыхъ мы воспринимаемъ нѣчто, самая же ясность не есть предметъ непосредственнаго опыта, а выводится изъ понятій» ⁴⁾. «Не правильно поступаютъ тѣ, которые для подтвержденія своихъ сужденій говорятъ, что они испытываютъ въ себѣ согласіе или несогласіе извѣстныхъ идей: они должны были бы объяснить это согласіе болѣе отчетливо, т. е. избрать путь разума, посредствомъ котораго можно было бы обязать другихъ имѣть тѣ же самыя поня-

¹⁾ IV, 314.   ²⁾ IV, 358.

³⁾ *Couturat*, La logique de Leibniz, p. 95—96.

⁴⁾ IV, 329.

тія»¹⁾. Слѣдую пути разума, Лейбницъ, въ отличіе отъ Декарта, призналъ, какъ мы видѣли, критеріемъ истины согласіе вещей съ самими собою и вѣчными истинами разума.

Достовѣрность нашего убѣжденія въ бытіи матеріальнаго міра Декартъ выводилъ изъ того, что это убѣжденіе, само по себѣ не ясное и не отчетливое, составляетъ естественное обнаруженіе нашей природы, ибо возникаетъ непреодолимо; а такъ какъ наша природа создана истиннымъ Богомъ, то должно быть истиннымъ и самое убѣжденіе. На это Лейбницъ замѣчаетъ, что истина бытія Божія не можетъ обосновывать истинности нашего убѣжденія въ бытіи матеріальнаго міра, ибо оно зависить не только отъ Бога и созданныхъ Имъ вещей, но и отъ насъ самихъ, такъ что Богъ можетъ быть истиненъ, а мы можемъ заблуждаться, истолковывая неправильно показанія своихъ чувствъ²⁾. При оцѣнкѣ показаній чувствъ мы должны руководиться общимъ критеріемъ истины и считать достовѣрными лишь тѣ показанія, которыя согласны между собою и съ вѣчными истинами. Но принимая во вниманіе, что критерій истины говоритъ не о дѣйствительномъ, а лишь возможномъ существованіи, Лейбницъ добавляетъ, что для строгаго доказательства дѣйствительнаго существованія матеріальнаго міра необходимо установить, опираясь на присущій нашему разуму законъ достаточнаго основанія, существованіе объективной причины воспринимаемаго нами міра и замѣчаемаго въ немъ согласія вещей, т. е. премудраго Бога³⁾. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ Лейбницъ приходитъ къ мысли Декарта, хотя нѣсколько и видоизмѣняетъ ее.

Признавъ существованіе матеріальнаго міра не подлежащимъ сомнѣнію, Декартъ опредѣляетъ его природу и происхожденіе. По его ученію, сущность матеріальной субстанции составляетъ протяженіе, которое, будучи непрерывнымъ, не имѣетъ доступныхъ нашему воображенію границъ, можетъ совершать различныя движенія и безъ конца дѣлиться на части. Само по себѣ инертное, протяженіе получаетъ отъ Бога опредѣленное, остающееся въ общей сложности всегда себѣ равнымъ, количество движеній, при помощи которыхъ оно дѣлится на части, послѣдовательно принимающія всѣ возможныя формы; указанными движеніями, совершающимися по механическимъ законамъ и, вслѣдствіе отсутствія въ матеріальномъ мірѣ пус-

¹⁾ III, 225.

²⁾ IV, 366—367; VII, 321.

³⁾ VII, 319—322.

тоты, имѣющими форму различныхъ круговъ, объясняются какъ образованіе міра, такъ и всѣ, происходящія въ немъ перемѣны и явленія. На этомъ ученія Декарта Лейбницъ останавливаетъ особенное вниманіе, принимая его въ одной части и отвергая въ другой. Онъ соглашается, что матерія представляетъ собою сплошное ¹⁾, безъ конца дѣлимое ²⁾ бытіе, границъ котораго мы не можемъ представить ³⁾, что движенія, которыя въ наполненномъ пространствѣ должны распространяться безъ конца ⁴⁾ и быть круговыми ⁵⁾, имѣютъ свою источную причину въ Богѣ ⁶⁾ и что величиною, формою и механическими движеніями должны объясняться всѣ явленія, происходящія въ матеріальномъ мірѣ ⁷⁾. Но онъ рѣшительно возстаеъ противъ Декартова отождествленія матеріи съ протяженіемъ и двигательной силы съ движеніемъ и отвергаетъ предложенную Декартомъ механическую теорію происхожденія міра.

Сущность его возраженій противъ ученія Декарта о матеріи и движеніи сводится къ слѣдующему:

1) Если признать, что протяженіе составляетъ субстанцію тѣла, то нужно отвергнуть христіанское ученіе о трансубстанціаціи—въ таинствѣ евхаристіи, потому что одно и то же протяженіе не можетъ сразу находиться во многихъ мѣстахъ ⁸⁾. Согласно ученію о трансубстанціаціи сущностью тѣла должно служить нѣкоторое непротяженное и, слѣдовательно, нематеріальное начало.

2) Протяженіе не можетъ быть субстанціею, потому что подъ субстанціею мыслится единый, недѣлимый субъектъ-дѣятель, на подобіе нашего я, служащій неизмѣнною основою всѣхъ развивающихся изъ него измѣнчивыхъ явленій, между тѣмъ какъ протяженіе безъ конца дѣлится на части и изъ него нельзя объяснить существующаго разнообразія матеріальныхъ явленій ⁹⁾.

¹⁾ IV, 333; III, 567; VII, 396. Отсюда Лейбницъ соглашался съ Декартомъ, что сжатіе и разрѣженіе составляютъ кажущіяся явленія: IV, 393, 368.

²⁾ VI, 90; IV, 313; III 85; *Dutens*, I, 107.

³⁾ VII, 396.   ⁴⁾ II, 112.   ⁵⁾ IV, 208.   ⁶⁾ VI, 549.

⁷⁾ IV, 209; III, 217. Поэтому Лейбницъ велѣдъ за Декартомъ отвергать ученіе Ньютона о притяженіи, какъ первичномъ свойствѣ матеріи: III, 581; ср. VII, 377, 397, 418—419.

⁸⁾ I, 75; IV, 258; ср. IV, 345; VII, 326.

⁹⁾ II, 72, 76; ср. 226—227, 295—296.

3) Протяженіе не можетъ быть абсолютнымъ атрибутомъ матеріальной субстанціи ¹⁾, потому что чѣмъ-то первичнымъ оно является только для воображенія ²⁾, а для мысли представляетъ собою нѣчто производное, слагающееся изъ множественности, непрерывности и сосуществованія проявленій субстанцій ³⁾.

4) Взятое само по себѣ, протяженіе есть пустое пространство; но пустота не способна ни къ покою, ни къ движенію; поэтому для объясненія явленій, происходящихъ въ тѣлахъ, необходимо признать, что тѣла имѣютъ, кромѣ протяженія, другія качества ⁴⁾.

5) Такими качествами не могутъ быть ни покой, ни движеніе, ибо покой и движеніе всегда относительны, такъ что одно и то же тѣло является покоящимся съ одной точки зрѣнія, и движущимся съ другой ⁵⁾.

6) Покой и движеніе могли бы быть принадлежностью тѣлъ, если бы они были абсолютными, взаимно исключаящими качествами. Но допустить это значитъ признать, съ одной стороны, что переходъ покоя въ движеніе и наоборотъ совершается скачками, между тѣмъ въ природѣ, созданной премудрымъ Богомъ, никакихъ скачковъ быть не можетъ ⁶⁾, съ другой, что при передачѣ движенія отъ одного тѣла другому происходитъ перемѣщеніе акциденцій изъ одной субстанціи въ другую, но это—абсурдъ ⁷⁾.

7) Движенія тѣлъ производятся толчками, которыя, какъ показываетъ опытъ, должны быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше масса тѣла, приводимаго въ движеніе; но изъ этого ясно слѣдуетъ, что тѣла обладаютъ пассивною силою сопротивленія, посредствомъ которой они противодѣйствуютъ движеніямъ, пропорціонально своей массѣ ⁸⁾.

8) Законы движеній, установленные Декартомъ на основаніи

¹⁾ II, 234.   ²⁾ II, 296.   ³⁾ II, 169—170; ср. IV, 394.

⁴⁾ VII, 325—326; IV, 466—467; VI, 580.

⁵⁾ IV, 313; ср. II, 97—98, 133.

⁶⁾ IV, 398—399; ср. II, 168—169.   ⁷⁾ IV, 499.

⁸⁾ II, 170—171. ср. 186; IV, 395, 467 По мнѣнію Лейбница, Декартъ не замѣчалъ, что, объясняя сцѣпленіе въ тѣлахъ покоемъ, онъ признавалъ въ тѣлахъ пассивную силу. Но это объясненіе Лейбницъ считаетъ ложнымъ, ибо если бы сцѣпленіе обуславливалось покоемъ, то никакою силою нельзя было бы отдѣлить одну частицу отъ другой и тогда покой былъ бы сильнѣе движенія, что является абсурдомъ: ср. III, 97; VII, 326; IV, 239.

изученія абстрактной, а не дѣйствительной природы тѣлъ, противорѣчать опыту ¹⁾) и въ частности не согласуются съ открытыми Галилеемъ и Гюйгенсомъ законами свободныхъ движеній падающихъ тѣлъ и качающагося маятника ²⁾).

9) Чтобы объяснить свободныя движенія тѣлъ, которыя, послѣ паденія съ извѣстной высоты, стремятся самопроизвольно подняться на ту же высоту, необходимо предположить, что въ тѣлахъ кромѣ пассивной силы существуетъ еще активная сила, которая самопроизвольно развиваетъ изъ себя постепенно ускоряющіяся движенія и всегда остается себѣ равною, хотя бы дѣйствіе ея временно было задержано дѣйствіемъ другой силы ³⁾). Но активная сила не мыслима безъ дѣятеля, а дѣятелемъ можетъ быть лишь абсолютно простая, недѣлимая сущность, на подобіе нашего я. Поэтому въ основѣ тѣлъ необходимо признать нематеріальныя субстанціальныя единицы, или монады, природу которыхъ составляетъ активная сила, самопроизвольно проявляющаяся въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ; пассивная же сила монадъ есть не болѣе, какъ естественное ограниченіе ихъ активной силы, потому что эта сила у созданныхъ монадъ не можетъ быть безграничною ⁴⁾).

10) Нельзя согласиться съ Декартомъ, будто въ мірѣ сохраняется одно и то же количество движеній, ибо это положеніе приводитъ къ абсурду вѣчнаго движенія ⁵⁾). На самомъ дѣлѣ сохраняется въ мірѣ не количество движеній, а количество созданныхъ Богомъ активно-пассивныхъ силъ ⁶⁾). Правда, ни одна сила не можетъ быть безъ дѣйствія; но дѣйствія силъ не исчерпываются одними видимыми движеніями. Ошибка Декарта въ томъ и заключалась, что, исходя изъ равновѣсія

¹⁾ I, 186, 393; III, 53—54; IV, 276, 373—390.

²⁾ III, 50, 57; ср. III, 607; I, 186; *Couturat*, 178, 191. Указанное несогласіе отмѣчается Лейбницемъ нѣсколько глухо. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что Галилей и Гюйгенсъ, основываясь на эмпирическихъ данныхъ, открыли законы, но не вывели ихъ изъ общей природы движеній и не указали глубокаго метафизическаго значенія, какой, по мнѣнію Лейбница, эти законы имѣютъ.

³⁾ Разъясненіе этого находится въ письмахъ Лейбница къ Фольдеру. См., напр., II, 171, 227.

⁴⁾ II, 248—249; 206, 257.

⁵⁾ III, 50, 59. Доказательство этого приводится Лейбницемъ въ *Acta eruditorum*, 1690, p. 234—236.

⁶⁾ IV, 286, 328, 346, 370—372 и слѣд., 497; VI, 319.

мертвой силы ¹⁾), онъ отождествилъ моментальное движеніе съ дѣйствіемъ живой силы ²⁾), а отождествлять ихъ нельзя, ибо движеніе мертвой силы измѣряется произведешіемъ массы на скорость, сила же, проявляющаяся въ свободномъ движеніи,—произведешіемъ массы на квадратъ скорости ³⁾).

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ Декарта, Лейбницъ полагаетъ, что протяженная инертная масса есть не субстанція, а явленіе, что лежація въ основѣ его субстанціи суть непротяженные, активные, хотя и ограниченные дѣятели и что съ этой стороны никакой противоположности между духомъ и матеріей не существуетъ.

Противъ ученія Декарта о механическомъ происхожденіи матеріальнаго міра Лейбницъ дѣлаетъ три возраженія.

1) Еще Платонъ въ своемъ діалогѣ Федонъ упрекаетъ Анаксагора, что онъ, признавъ въ основѣ міра два начала—разумъ и матерію, забываетъ какъ бы о разумномъ началѣ и объясняетъ происхожденіе міра одними формами и движеніями матеріи. Ту же ошибку повторяетъ Декартъ, когда учитъ, что творческая дѣятельность Бога при мірообразованіи ограничилась лишь созданіемъ матеріи и произведешіемъ въ ней опредѣленнаго количества движеній ⁴⁾). Онъ упускаетъ изъ виду, что премудрость и благодать Божіи не могли оставить ни одной вещи, какъ бы мала она ни была, чтобы не устроить ея наилучшимъ образомъ и не приспособить къ цѣлому міру ⁵⁾).

2) Совершенно произвольно предполагаетъ Декартъ, будто подъ вліяніемъ созданныхъ Богомъ движеній матерія раздѣлилась на опредѣленное количество одинаковыхъ элементовъ ⁶⁾). Выходя изъ мысли о безконечномъ величій Божіемъ ⁷⁾ и принимая во вниманіе микроскопическія открытія, которыя показываютъ, что въ одной каплѣ воды находится до 800.000 живыхъ существъ, нужно признать, что матерія раздѣлена на безконечное число частей и что каждая часть ея представляетъ собою индивидуальный организмъ ⁸⁾).

3) Декартъ не замѣчаетъ, что изъ его положенія,—будто, согласно механическимъ законамъ, матерія принимаетъ послѣ-

¹⁾ IV, 398.   ²⁾ IV, 442, 505, 506.

³⁾ IV, 442—444; III, 59—60.

⁴⁾ IV, 339; I, 32—33; *Conturat*, 625.   ⁵⁾ III, 356, 362, 507.

⁶⁾ III, 519; II, 250; IV, 276, 308, 348.

⁷⁾ IV, 524; ср. III, 356, 362, 507.   ⁸⁾ I, 335.

довательно всѣ возможныя формы, къ какимъ она способна,—могутъ быть сдѣланы самыя опасныя для религіи и нравственности выводы. «Декартъ, читаемъ у Лейбница, желая оправдать себя, почему онъ приписываетъ матеріи опредѣленныя формы и движенія, говоритъ, что онъ—въ правѣ сдѣлать это. такъ какъ матерія принимаетъ послѣдовательно всѣ возможныя формы, почему она должна, наконецъ, принять и тѣ формы, которыя онъ предполагаетъ. Но если это справедливо, если все возможное должно произойти, такъ что нельзя придумать ни одной вещи, какъ бы абсурдна и не достойна она ни была. которая не произошла бы когда-либо или гдѣ-либо во вселенной, то необходимо сдѣлать выводъ, что не существуетъ ни выбора, ни провидѣнія.., а все происходитъ, необходимо» ¹⁾). Тогда нужно отвергнуть мудрость и правду Божію, «ибо если все возможное происходитъ необходимо въ свое время, то Богъ не дѣлаетъ никакого выбора между добромъ и зломъ, правдою и неправдою, и среди безконечныхъ міровъ должны явиться и совершенно превратныя міры, въ которыхъ добрые будутъ наказаны, а злые награждены» ²⁾). Но это, по мнѣнію Лейбница, «какъ разъ—тѣ самыя мысли, которыя болѣе ясно были высказаны Спинозою, именно, что правда, красота, порядокъ имѣютъ отношеніе лишь къ намъ, совершенство же Бога состоитъ въ столь великой Его мощи, что нѣтъ ничего возможнаго или мыслимаго, чего бы Онъ не произвелъ на самомъ дѣлѣ» ³⁾).

Въ противоположность механической теоріи Декарта, Лейбницъ возстановляетъ ученіе Аристотеля и схоластиковъ о субстанціальныхъ формахъ и, перерабатывая это ученіе по своему, утверждаетъ, что міръ вышелъ изъ рукъ премудраго и всеблагаго Творца въ видѣ единой стройной системы, которая является наилучшею изъ всѣхъ возможныхъ системъ и въ которой каждая субстанція имѣетъ свою опредѣленную цѣль и соотвѣтствующую этой цѣли тѣлесную организацію, т. е. агрегатъ необходимыхъ для осуществленія цѣли подчиненныхъ субстанціальныхъ силъ матеріи, такъ что механизмъ матеріи является всюду подчиненнымъ телеологіи идеи или духа. «Я возстановилъ, пишетъ онъ, субстанціальныя формы, которыя думали изгнать атомисты и Декартъ... ⁴⁾». По моему мнѣнію,

¹⁾ II, 562—563; ср. IV, 274, 281, 314; *Conturat*, 2.

²⁾ IV, 344; ср. IV, 289.   ³⁾ IV, 283; ср. IV, 314, 341, 344.

⁴⁾ *Conturat*. La logique de Leibniz, p. 165, прим. 2.

законы механики, служащіе для всякой системы основою, зависятъ отъ конечныхъ причинъ, т. е. отъ воли Божіей, осуществляющей наиболѣе совершенное, и матерія не принимаетъ всѣхъ возможныхъ формъ, но только — самыя совершенныя; иначе все пришло бы со временемъ въ разстройство, что далеко не отвѣчаетъ совершенству Творца» ¹⁾.

Въ связи съ механическою теоріею происхожденія міра Лейбницъ отвергаетъ ученіе Декарта, что физика не должна заниматься изслѣдованіемъ конечныхъ причинъ ²⁾. Это ученіе кажется ему весьма подозрительнымъ, потому что изъ него легко слѣдуетъ выводъ Спинозы, что не существуетъ ни премудраго Бога, на поставленныхъ Имъ міру цѣлей, а все совершается въ мірѣ въ силу слѣпой необходимости ³⁾. По мнѣнію Лейбница, конечныя причины составляютъ такой же реальный фактъ, какъ и дѣйствующія, почему изслѣдованіе ихъ въ физикѣ является вполне законнымъ и полезнымъ. «Если Богъ, посягаетъ Лейбницъ, есть виновникъ вещей, если Онъ обладаетъ безконечною мудростью, то нельзя съ успѣхомъ изучать строенія вселенной, не входя въ разсмотрѣніе избранныхъ Его мудростью цѣлей, подобно тому, какъ нельзя понять надлежащимъ образомъ зданія, не уяснивъ себѣ цѣлей архитектора» ⁴⁾. А что, дѣйствительно, изслѣдованіе конечныхъ причинъ можетъ содѣйствовать успѣхамъ физики, подтвержденіе этого Лейбницъ видитъ въ научныхъ изысканіяхъ Snellius'a, который на основаніи разсмотрѣнія конечныхъ причинъ пришелъ къ открытію закона отраженія свѣта. Правда, Декартъ пытается вывести этотъ законъ изъ дѣйствующихъ причинъ; но, думаетъ Лейбницъ, онъ никогда не нашелъ бы этого доказательства, если бы предварительно не былъ знакомъ съ открытіемъ Snellius'a ⁵⁾. Изслѣдованіе конечныхъ причинъ, по Лейбницу, имѣетъ важное значеніе также для религіозно-нравственной жизни, ибо изученіе цѣлесообразности міра возбуждаетъ въ людяхъ благоговѣнное удивленіе къ мудрости Творца ⁶⁾.

Опредѣливъ природу и происхожденіе матеріальнаго міра,

¹⁾ IV, 281—282.

²⁾ IV, 281, 344; III, 563; ср. IV, 338; I, 328.

³⁾ IV, 281, 299, 314, 444—445, III, 563; *Conturat*, 7.

⁴⁾ IV, 339; ср. IV, 284, 285, 344, 360—361, 398.

⁵⁾ IV, 448.

⁶⁾ Dutens, VI, 319; ср. Gerhardt, IV, 341.

Декартъ излагаетъ свой взглядъ на природу животныхъ и человѣка. Животныя, по его ученію, суть бездушныя автоматы, которые образуются механически и по механическимъ законамъ совершаютъ всѣ свои дѣйствія. Лейбницъ соглашается, что тѣла животныхъ и человѣка образуются по механическимъ законамъ, но, въ отличіе отъ Декарта, полагаетъ, что они образуются не изъ неорганизованной матеріи, а изъ зародышей, въ которыхъ предъизображено все ихъ будущее развитіе ¹⁾. Что же касается ученія Декарта, будто у животныхъ нѣтъ душъ, то это ученіе Лейбницъ находитъ не выдерживающимъ критики ²⁾. Въ пользу своего ученія Декартъ приводилъ два главныхъ основанія: а) у животныхъ нѣтъ отвлеченнаго мышленія и б) если у животныхъ есть души, то онѣ должны быть бессмертны; но какъ признать бессмертіе душъ животныхъ, когда нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, букашки существуютъ иногда лишь нѣсколько моментовъ? На это Лейбницъ отвѣчаетъ: а) мышленіе не есть существенное свойство души, потому что вездѣ, гдѣ есть органическая жизнь, осуществляющая извѣстную цѣль, существуетъ и объединяющій ее жизненный принципъ, или душа ³⁾; б) такъ какъ отрицать у животныхъ влеченія, чувства и память значило бы становиться въ противорѣчіе съ очевидными фактами и общимъ мнѣніемъ людей ⁴⁾, то нужно признать, что души животныхъ относятся къ разряду чувствующихъ ⁵⁾; в) подобно всякимъ другимъ субстанціямъ, души животныхъ неуничтожимы и въ этомъ смыслѣ бессмертны ⁶⁾; но души людей, кромѣ неуничтожимости, обладаютъ еще личнымъ бессмертіемъ, въ силу котораго онѣ сохраняютъ сознаніе своей прошлой жизни, чего нѣтъ у животныхъ, лишенныхъ способности самосознанія ⁷⁾.

Человѣкъ, по ученію Декарта, состоятъ изъ двухъ совершенно различныхъ субстанцій: протяженнаго, дѣлимаго, разрушимаго тѣла и непротяженной, бессмертной, мыслящей души, при чемъ душа, какъ познаваемая болѣе достовѣрно и не зависимо отъ тѣла, можетъ существовать отдѣльно отъ него. Лейбницъ соглашается, что душа есть отличная отъ тѣла, недѣлимая, неразрушимая ⁸⁾ и познаваемая болѣе достовѣрно,

¹⁾ III, 373; VI, 553; VII, 417—418; ср. VI, 544.

²⁾ IV, 559, 539—540.

³⁾ VI, 542—544.

⁴⁾ V, 60.

⁵⁾ VI, 521—522.

⁶⁾ IV, 525; II, 117; V, 60; VII, 329.

⁷⁾ IV, 436, 459—460, 462, 481; V, 218.

⁸⁾ VI, 628; I, 373—374.

чѣмъ тѣло ¹⁾), субстанція. Къ этому онъ только добавляетъ, что для нравственной жизни имѣеть значеніе не столько истина неразрушимости души, сколько истина ея личнаго безсмертія, оставшаяся у Декарта не доказанною ²⁾). Но онъ находитъ въ ученіи Декарта о душѣ и такіе пункты, согласиться съ которыми не считаетъ возможныхъ. Такъ, во-1-хъ, мышленіе, по его мнѣнію, не можетъ быть сущностью души, потому что подъ сущностью, или субстанціею, нужно разумѣть дѣятеля или субъекта, а мышленіе есть лишь принадлежность его ³⁾). Во-2-хъ, если понимать мышленіе въ широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ воспріятіе, то нужно признать, что мышленіе составляетъ основную дѣятельность души и что душа воспринимаетъ всегда ⁴⁾). Но отсюда не слѣдуетъ, что душа замѣчаетъ всѣ свои воспріятія, ибо, кромѣ воспріятій сознательныхъ, несомнѣнно, существуютъ еще безсознательныя воспріятія ⁵⁾). Наконецъ, въ-3-хъ, Декартъ не доказать, что душа можетъ существовать отдѣльно отъ тѣла, ибо если бы даже было справедливо, что душа познается независимо отъ тѣла, отсюда слѣдовала бы независимость только познанія, а не бытія ихъ; съ точки же зрѣнія бытія ничто не препятствуетъ, чтобы душевныя и тѣлесныя силы были принадлежностью одной субстанціи ⁶⁾). Но въ дѣйствительности познаніе души никогда не происходитъ независимо отъ тѣла, потому что нѣтъ ни одной, даже самой отвлеченной мысли, которая не соединилась бы съ конкретнымъ образомъ или чувственнымъ знакомъ и которая поэтому не сопровождалась бы соответствующимъ движеніемъ внутри тѣла ⁷⁾).

Душа и тѣло, по ученію Декарта, несмотря на свою разнородность, соединены Богомъ, такъ что переменны въ состояніи души вызываютъ соответствующія переменны въ движеніяхъ тѣла и наоборотъ. Какимъ образомъ это происходитъ, Декартъ не разъясняетъ. Признавая общее количество созданныхъ Богомъ движеній неизмѣннымъ, онъ учитъ, что душа не можетъ ни уничтожать тѣлесныхъ движеній, ни создавать ихъ

¹⁾ VII, 501.   ²⁾ IV, 300; I, 85.   ³⁾ III, 656; IV, 365.

⁴⁾ III, 657, 474; V, 103.

⁵⁾ VI, 600, 608—609; V, 23—24. Подробнѣе см. „Ученіе Лейбница о безсознательной душевной жизни“. Вѣстн. психологіи, кримин. антропологіи и гипнотизма. 1904, II, 17—32.

⁶⁾ IV, 357; I, 237—238, прим. 30.

⁷⁾ VI, 532—533; V, 74; IV, 541; III, 466.

вновь,—а можетъ лишь по своему желанію измѣнять направленіе движеній животныхъ духовъ и чрезъ это вызываетъ такія перемѣны тѣла, какія ей нужны. Окказіоналисты, выходя изъ ученія Декарта о разнородности души и тѣла, пошли дальше и стали объяснять вліяніе души на тѣла и тѣла на душу дѣйствіемъ Бога, который будто бы по поводу опредѣленныхъ движеній тѣла вызываетъ опредѣленные идеи въ душѣ и наоборотъ. Лейбницъ отвергаетъ ученіе окказіоналистовъ, потому что оно, вмѣсто объясненія явленій при помощи естественныхъ силъ природы, прибѣгаетъ къ постоянному чуду, выдвигая Бога, какъ *Deus ex machina* ¹⁾, и отрицаетъ въ человѣкѣ, вопреки ясному свидѣтельству внутренняго опыта, всякую активность ²⁾. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ окказіоналисты, по мнѣнію Лейбница, сходятся съ Спинозою, который, развивая мысли, высказанныя Декартомъ, отождествлялъ Бога съ природою и отрицалъ въ тваряхъ всякую самодѣятельность. «Декартъ, читаемъ у Лейбница, проводилъ, повидимому, мысль что единственнымъ дѣятелемъ въ вещахъ служить Богъ, откуда Спиноза сдѣлалъ крайній выводъ, что существуетъ только одна субстанція, именно самъ Богъ, т. е. природа самой вселенной, а остальные вещи суть ея модусы, какъ фигуры являются модусами матеріи ³⁾... Новѣйшіе картезіанцы, которые утверждаютъ, что дѣйствуетъ одинъ только Богъ, устанавливаютъ безсознательно то же самое ученіе» ⁴⁾. Но не соглашается Лейбницъ и съ Декартомъ, что душа можетъ измѣнять направленіе движеній въ тѣлѣ, ибо считаетъ доказаннымъ, что въ мірѣ сохраняется не только количество силъ, но и количество направленій, принимаемыхъ дѣйствіями силъ ⁵⁾. Если же непосредственное взаимодействіе между душою и тѣломъ, или точнѣе, субстанціями, лежащими въ основѣ тѣла, не возможно и если нельзя объяснить этого взаимодействія постояннымъ вмѣшательствомъ Бога, то остается, думаетъ Лейбницъ, признать одно, что душа и тѣло, или, вообще, всѣ субстанціи развиваютъ свои явленія самопроизвольно и по своимъ законамъ, но явленія ихъ находятся между собою въ полномъ согласіи, потому что между природами ихъ установлена Богомъ

¹⁾ IV, 499, 520—521; *Dutens*, V, 113.

²⁾ IV, 509—510, 397; VI, 104.

³⁾ IV, 314; ср. IV, 515.   ⁴⁾ VI, 530; ср. VI, 537.

⁵⁾ IV, 497—498, 547, 559; II, 94; III, 122; *Contural*, 405.

гармонія. Этотъ выводъ представляется Лейбницу до такой степени принудительнымъ, что съ нимъ, думаетъ онъ, долженъ былъ бы согласиться и Декартъ, если бы только Декарту былъ извѣстенъ законъ сохраненія направленной дѣйствія силы. «Если бы во времена Декарта, пишетъ Лейбницъ, знали новый законъ природы, мною доказанный, что сохраняется не только одно и то же общее количество силы въ тѣлахъ, находящихся во взаимодействіи, но еще и общее направленіе этихъ тѣлъ въ цѣломъ, то Декартъ *неизбѣжно* пришелъ бы къ моей системѣ предустановленной гармоніи, такъ какъ онъ узналъ бы, что столь же разумно утверждать, что душа не измѣняетъ количества направленія тѣлъ, какъ разумно отказывать ей въ способности измѣнять количество ихъ силы, ибо то и другое одинаково противно порядку вещей и законамъ природы и одинаково является не объяснимымъ» ¹⁾).

Въ душѣ человѣка Декартъ признавалъ двѣ главныхъ способности: умъ и свободную волю. Лейбницъ соглашается съ этимъ и одобряетъ Декарта, что онъ приписывалъ разумъ всѣмъ людямъ ²⁾).

Изъ частныхъ пунктовъ Декартова ученія объ умѣ, Лейбницъ останавливаетъ вниманіе на ученіи о чувственномъ воспріятіи. Онъ признаетъ правильною мысль Декарта, что воспринимаемыя чувствами качества суть призраки, а не самыя вещи ³⁾. Но какимъ образомъ возникаютъ эти призраки, это осталось, по его мнѣнію, у Декарта не разъясненнымъ ⁴⁾, потому что сослаться на всемогущество Божіе и утверждать, что Богу было угодно соединить опредѣленные идеи съ опредѣленными движеніями, значить прибѣгать къ чуду и отказываться отъ естественнаго объясненія ⁵⁾. Чтобы объяснить чувственныя воспріятія естественнымъ путемъ, Лейбницъ дѣлаетъ предположеніе, что получаемыя нами впечатлѣнія слагаются изъ безчисленнаго множества мелкихъ впечатлѣній, изъ которыхъ каждое вызываетъ въ нашей душѣ вполне соответствующій себѣ образъ, но эти образы, сами по себѣ очень слабые и быстро смѣняющіеся одни другими, не сознаются въ отдѣльности, а сливаются въ одинъ мало похожій на нихъ образъ, подобно тому какъ образы спиць вращающагося колеса сливаются въ не похожій на нихъ образъ круга ⁶⁾.

¹⁾ IV, 540; ср. III, 568, 607, 625; VI, 136, 620—621.

²⁾ VI, 84; ср. IV, 362.

³⁾ IV, 365.

⁴⁾ VII, 410.

⁵⁾ II, 234, 314.

⁶⁾ V, 48—49; IV, 550, 575—576, 426.

Ученіемъ Декарта о свободѣ воли Лейбницъ не удовлетворяется и дѣлаетъ противъ него три возраженія. 1) Свобода воли не можетъ быть, какъ училъ Декартъ, безразличіемъ, представляющимъ собою полную неопредѣленность ¹⁾. Свободная воля человѣка, по мнѣнію Лейбница, всегда опредѣляется закономъ достаточнаго основанія, хотя самыя основанія могутъ имѣть не дѣйствительную, а лишь кажущуюся разумность. Поэтому, предполагается у Лейбница, если будущія свободныя дѣйствія человѣка не подлежатъ нашему точному учету, то прошедшія или совершившіяся дѣйствія всегда могутъ быть до извѣстной степени объяснены и естественно выведены изъ ихъ основаній ²⁾. 2) По Декарту, существованіе свободы, какъ безразличія, доказываётся внутреннимъ опытомъ, который говоритъ, что иногда мы совершаемъ дѣйствія безъ всякихъ основаній. Лейбницъ считаетъ это доказательство не убѣдительнымъ, такъ какъ основанія, опредѣляющія волю, бываютъ не только сознательныя, но и безсознательныя,—въ которыхъ мы не отдаемъ себѣ отчета ³⁾. 3) Декартъ училъ, что мы должны, съ одной стороны, вѣрить въ Божественное предвѣдѣніе, съ другой, признавать безспорнымъ фактомъ свободу воли; но какъ примирить свободу человѣка съ предвѣдѣніемъ Божиимъ, это, по его мнѣнію, превышаетъ силу человѣческаго разумія. Лейбницъ считаетъ такое мнѣніе опаснымъ для религіи и нравственности, потому что оно можетъ повести къ отрицанію Бога и Его благого провидѣнія ⁴⁾. Въ противоположность Декарту, онъ старается показать, что между этими истинами нѣтъ никакого противорѣчія, такъ какъ свободныя дѣйствія человѣка естественно вытекаютъ изъ его природы, и Богъ, который въ совершенствѣ знаетъ эту, созданную Имъ Самимъ, природу и ея положеніе въ мірѣ, отъ вѣка созерцаетъ будущія свободныя дѣйствія, какъ настоящія.

По ученію Декарта, предѣлы свободной воли шире предѣловъ ограниченнаго человѣческаго ума, такъ что воля можетъ принимать за истину не только положенія, отвѣчающія критерию истины, но и положенія, являющіяся для ума неясными и не отчетливыми: отсюда возникаютъ человѣческія заблужденія. Лейбницъ отвергаетъ это ученіе, утверждая, что воля всегда

¹⁾ VI, 331; *Dutens*, V, 166.

²⁾ См. „Ученіе Лейбница о свободѣ воли“, Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1906, № 7, стр. 356—381.

³⁾ VI, 130.

⁴⁾ IV, 345, 363.

слѣдуетъ за указаніями разума и что разумъ заблуждается отъ недостатка вниманія или памяти. «Мы можемъ желать, пишетъ онъ, лишь того, что усматривается разумомъ. Источникъ ошибокъ вездѣ—тотъ же, какой наблюдается у математиковъ при вычисленіи: по недостатку вниманія или памяти мы дѣлаемъ иногда, чего не слѣдуетъ, или опускаемъ необходимое, или воображаемъ, что не сдѣланное ужъ сдѣлано или наоборотъ» ¹⁾).

Свою мысль о зависимости разума отъ свободной воли Декартъ распространяетъ на Бога и учитъ, что всѣ истины установлены Божественною волею, почему 3×3 , если бы угодно было Богу, могло бы составлять не 9, а 10. Это ученіе Декарта представляется Лейбницу до такой степени страннымъ и даже абсурднымъ ²⁾, что онъ, повидимому, не знаетъ, какъ его объяснить. Съ одной стороны, онъ склоненъ видѣть въ немъ прямой результатъ неправильнаго Декартовскаго опредѣленія критерія истины. «Повидимому, я понимаю, пишетъ онъ, откуда явилось у Декарта это ученіе. Критеріемъ истины онъ призналъ наше ясное и отчетливое воспріятіе. Мы считаемъ такимъ образомъ извѣстное свойство круга истиннымъ лишь потому, что оно воспринимается нами ясно и отчетливо. Но если бы Богъ такъ устроилъ нашу природу, что ясно и отчетливо воспринималось бы противоположное, то противоположное было бы истинною» ³⁾. Съ другой, онъ готовъ усомниться, чтобы такое ученіе могло быть искреннимъ убѣжденіемъ Декарта, и высказываетъ предположеніе, что Декартъ проводилъ этотъ взглядъ по соображеніямъ политическимъ, чтобы избѣжать преслѣдованій со стороны представителей Церкви. «Я не могу себѣ представить, говоритъ онъ, чтобы Декартъ могъ искренно держаться этого мнѣнія. Видимо, это было однимъ изъ его изворотовъ, въ родѣ того, какой онъ нашель, чтобы отрицать движеніе земли, хотя самъ былъ взятымъ коперникіанцемъ» ⁴⁾. Самая мысль о зависимости истинъ отъ Божественной воли является, по мнѣнію Лейбница, весьма опасною, потому что она можетъ привести къ безбожному ученію Спинозы. «Если самая истина, пишетъ Лейбницъ, зависитъ исключительно отъ воли Божіей, а не отъ природы вещей, между тѣмъ разумъ (съ точки зрѣнія природы, а не

¹⁾ IV, 361.   ²⁾ I, 258; ср. I, 269; II, 33; VI, 614, 228.

³⁾ IV, 274—275.   ⁴⁾ VI, 227—228.

времени) необходимо предшествуетъ волѣ, то Божественный разумъ будетъ предшествовать истинѣ вещей и, слѣдовательно, истина не будетъ его объектомъ. Но такой разумъ есть не болѣе, какъ химера, и, слѣдовательно, мы должны мыслить Бога на манеръ Спинозы—въ качествѣ существа, не имѣющаго ни разума, ни воли, но производящаго все безразлично, какъ доброе, такъ и худое ¹⁾», ибо, «по Декарту, какъ добро не есть предметъ воли Божіей, такъ истина не составляетъ предмета Божественнаго разума» ²⁾ Признавая, въ противоположность Декарту, зависимость воли отъ разума, Лейбницъ полагаетъ, что Богъ не есть творецъ сущностей и что вѣчныя нормы истины и добра по своему содержанію и обязательному значенію одинаковы какъ для Бога, такъ и человѣка ³⁾. Поэтому созданіе міра онъ представлялъ себѣ слѣдующимъ образомъ: Богъ отъ вѣка созерцалъ всѣ возможныя вещи съ ихъ возможными отношеніями, въ видѣ безчисленныхъ системъ возможныхъ міровъ: будучи премудрымъ, Онъ избралъ изъ этихъ міровъ наилучшій; благодаря всемогуществу Божію міръ, признанный наилучшимъ, получилъ реальное бытіе и изъ возможнаго сталъ дѣйствительнымъ ⁴⁾.

Декартъ не оставилъ послѣ себя сколько-нибудь полнаго и законченнаго нравственнаго ученія. Но Лейбницъ, котораго глубоко интересовали нравственные вопросы, не опустилъ безъ вниманія и критикѣ и нравственнаго ученія Декарта. Онъ соглашается съ Декартомъ, что посредствомъ размышленія человѣкъ можетъ сохранить спокойствіе духа среди тяжелыхъ испытаній жизни ⁵⁾. Но въ то время какъ Декартъ, по его мнѣнію, полагалъ центръ тяжести въ самоограниченіи и стоическомъ терпѣніи, самъ онъ держится иного взгляда, именно, что человѣкъ можетъ выйти побѣдителемъ изъ испытаній лишь при убѣжденіи въ существованіи Бога и при надеждѣ на будущую жизнь ⁶⁾.

Все вышесказанное можетъ быть кратко *резюмировано* въ слѣдующихъ положеніяхъ, проливающихъ свѣтъ на происхожденіе философіи Лейбница:

1) Лейбницъ былъ основательно знакомъ съ сочиненіями Декарта и высоко цѣнилъ ихъ автора.

¹⁾ IV, 285.

²⁾ IV, 299.

³⁾ V, 378; VI, 448—449.

⁴⁾ VI, 615—616; 106—107.

⁵⁾ VI, 268.

⁶⁾ IV, 275, 298, 345.

2) Критическое изученіе философіи Декарта шло у Лейбница рука объ руку съ созиданіемъ своей собственной философской системы и имѣло на послѣднюю несомнѣнное вліяніе.

3) Выходя изъ гносеологіи Декарта и углубляя ее, Лейбницъ признаетъ, что умозрительное знаніе по природѣ своей есть знаніе апалитическое, основывающееся на аксіомѣ тождества.

4) Чтобы устранить крайности Декартовскаго механическаго воззрѣнія на матеріальный міръ и его происхожденіе, Лейбницъ возстановляетъ ученіе Аристотеля и схоластиковъ о субстанціальныхъ формахъ и учитъ, что въ основѣ матеріальнаго міра лежатъ аналогичныя нашей душѣ, недѣлимыя дѣятельныя начала, субстанціальныя силы, или монады, которыя образуютъ собою стройную систему средствъ-цѣлей съ послѣднею цѣлью въ Богѣ.

5) Принимая ученіе Декарта о невозможности непосредственнаго взаимодействія между душою и тѣломъ и распространяя это ученіе на отношенія между монадами вообще, Лейбницъ создаетъ свою систему предустановленной гармоніи, по которой Богъ устроилъ монады такимъ образомъ, что онѣ развиваютъ свои явленія не зависимо одна отъ другой, самопроизвольно, по законамъ своихъ природъ, но между явленіями ихъ оказывается полное согласіе.

6) Въ противоположность Декартовской психологіи, отождествлявшей жизнь души съ жизнью сознанія — самосознанія и признававшей первенство воли предъ разумомъ, Лейбницъ доказываетъ существованіе безсознательныхъ душевныхъ явленій, объясняя при помощи ихъ, съ одной стороны, душевную жизнь животныхъ, съ другой, различныя явленія въ душевной жизни человѣка, напр., чувственныя воспріятія, дѣйствія, кажуціяся безпричинными, и пр., и проводитъ мысль, что воля, опредѣляющаяся въ своихъ дѣйствіяхъ закономъ достаточнаго основанія, всегда слѣдуетъ за указаніями разума.

7) Этическое ученіе Декарта Лейбницъ дополняетъ мыслью, что естественною основою доброй нравственной дѣятельности должны служить вѣра въ Бога и надежда на будущую личную жизнь.

В. Серебrenиковъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки